

Неофициальный перевод с английского О.Л. Ветровой.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО "ВЕСЕЛОВ И ДРУГИЕ (VESELOV AND OTHERS) ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (Жалобы N 23200/10, 24009/07 и 556/10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(Страсбург, 2 октября 2012 года)

По делу "Веселов и другие против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Нины Ваич, Председателя Палаты,

Анатолия Ковлера,

Пэра Лоренсена,

Элизабет Штейнер,

Ханлара Гаджиева,

Линоса-Александра Сисилианоса,

Эрика Месе, судей,

а также при участии Серена Нильсена, Секретаря Секции Суда,

заседая за закрытыми дверями 11 сентября 2012 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

Процедура

1. Дело было инициировано тремя жалобами N 23200/10, 24009/07 и 556/10, поданными против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) тремя гражданами Российской Федерации: Виктором Сергеевичем Веселовым, Максимом Борисовичем Золотухиным и Игорем Вячеславовичем Дружининым (далее - заявители), - 8 апреля 2010 г., 3 мая 2007 г. и 12 ноября 2009 г., соответственно.

2. Интересы заявителей представляли, соответственно, О.О. Михайлова, адвокат, практикующая в Москве, Г.Б. Габдрахманов, адвокат, практикующий в Екатеринбурге, и В.Г. Тучин, адвокат, практикующий в Москве. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской

Федерации при Европейском Суде по правам человека Г.О. Матюшкиным.

3. Все заявители утверждали, что были признаны виновными в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, по подстрекательству милиции в нарушение статьи 6 Конвенции.

4. 25 ноября 2010 г. Европейский Суд коммуницировал жалобы властям Российской Федерации. В соответствии с пунктом 1 статьи 29 Конвенции Европейский Суд решил рассмотреть данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

Факты

I. Обстоятельства дела

5. Каждый из заявителей являлся объектом негласных мероприятий, проводившихся милицией в форме проверочной закупки наркотиков в соответствии со статьями 7 и 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности". В результате данных мероприятий заявители были осуждены судами по уголовным делам за торговлю наркотиками.

6. Факты каждого уголовного дела, представленные сторонами, кратко изложены ниже. Заявители не согласились с властями Российской Федерации относительно мотивов и обстоятельств, повлекших проверочные закупки, и в этих отношениях приводятся обе версии. Что касается фактических подробностей негласных мероприятий, они не оспариваются. В частности, стороны согласились, что заявители умышленно приобретали наркотики в ходе проверочных закупок.

A. Жалоба Веселова

7. Заявитель родился в 1989 году и проживает в Москве. В момент задержания он был студентом третьего курса колледжа управления. В настоящее время заявитель отбывает срок лишения свободы в исправительной колонии.

8. Как утверждают власти Российской Федерации, 19 мая 2009 г. X. добровольно явился в милицию и заявил, что два человека, "Виктор" (заявитель) и "Руслан", продают гашиш по цене 600 рублей за грамм.

9. Как утверждает заявитель, X. являлся наркозависимым лицом, ранее судимым за незаконное хранение наркотиков, а также он был информатором милиции, принимавшим участие в проверочных закупках наркотиков. В поддержку своего утверждения заявитель предоставил копию приговора суда в отношении X. и копии четырех приговоров по несвязанным уголовным делам против четверых разных лиц, в которых X. выступал в качестве покупателя при проверочных закупках конопли, героина и гашиша у обвиняемых.

10. Не оспаривается сторонами, что милиция решила провести

проверочную закупку и приступила к ее осуществлению незамедлительно после получения информации от Х., что подтверждается официальными документами. В постановлении было указано имя заявителя и отмечено, что он подозревается в продаже гашиша по цене 600 рублей за грамм. Х. позвонил "Руслану" и сказал ему, что хочет купить гашиш. Сотрудники милиции присутствовали при разговоре Х. с "Русланом", но разговор не записывался. Х. вручили 3 000 рублей, с которых были сняты фотокопии. Х. встретился с "Русланом" вечером этого же дня, и вместе они встретились с заявителем, который взял у них 1 200 рублей и ушел, чтобы купить наркотик. Позднее заявителя задержали и обнаружили при нем банкноты, которые совпадали с теми, с которых были сняты фотокопии. В ходе всей проверочной закупки Х. держал свой мобильный телефон включенным с набранным номером сотрудника милиции, что позволяло милиции прослушивать их разговоры. Данные переговоры не записывались. Ни "Руслан", ни продавец, с которым связался заявитель, не были задержаны и не подвергались преследованию, предположительно, на том основании, что было невозможно установить их личности.

11. Х. сообщил в судебном разбирательстве, что встречался с заявителем и "Русланом" в местном супермаркете примерно за две недели до проверочной закупки. Во время разговора заявитель сказал ему, что может достать для него гашиш. "Руслан" дал ему свой телефонный номер. Затем Х. добровольно передал эту информацию в милицию и согласился участвовать в проверочной закупке. Он пояснил, что ранее не покупал наркотики у заявителя. Когда защитник подверг Х. перекрестному допросу, суд не разрешил задавать вопросы о его криминальном прошлом и о том, употребляет ли он наркотики. Также суд отклонил ходатайство о приобщении к делу в качестве доказательств судебных актов, доказывавших, что Х. ранее выступал в качестве покупателя при проверочных закупках наркотиков.

12. Милиционеры, которые инициировали и провели проверочную закупку, сообщили на суде, что до информации от Х. заявитель не был известен им как продавец наркотиков. Они рассказали подробности проверочной закупки.

13. В судебном заседании заявитель признал себя виновным в пособничестве в приобретении "Русланом" наркотиков, но заявил, что это явилось результатом подстрекательства милиции. Заявитель утверждал, что они с "Русланом" периодически курили гашиш, который они не продавали и иным образом никому не сбывали. Проверочная закупка была первым случаем, когда он согласился помочь "Руслану" или кому-либо еще в приобретении наркотиков, и сделал это только по настойчивой просьбе "Руслана".

14. Лицо по имени "Руслан" не вызывалось на перекрестный допрос в суд предположительно потому, что следственные органы не смогли установить его личность.

15. 15 сентября 2009 г. Никулинский районный суд Москвы признал заявителя виновным в попытке незаконного сбыта наркотиков и приговорил

его к четырем с половиной годам лишения свободы. Суд не дал оценки доводу заявителя о подстрекательстве к совершению преступления.

16. Заявитель подал жалобу. Он повторно выдвинул довод о провокации, указав, в частности, что Х. является информатором милиции, и оспорил отказ суда первой инстанции принять соответствующие документы в качестве доказательства. Заявитель также подчеркнул, что милиция не имела иных сведений, дававших основание полагать, что ранее он продавал наркотики. Кроме того, он жаловался на то, что власти не предприняли попыток разыскать и допросить "Руслана", который играл ключевую роль в проверочной закупке и мог дать объяснения о провокации.

17. 11 ноября 2009 г. Московский городской суд оставил без изменения приговор суда первой инстанции. Он согласился с выводом о том, что заявитель пытался сбыть наркотическое вещество во время проверочной закупки, и по сути отклонил довод о подстрекательстве, не отреагировав на доводы заявителя.

В. Жалоба Золотухина

18. Заявитель родился в 1982 году и проживает в Екатеринбурге. В настоящее время он отбывает наказание в виде лишения свободы в Нижнем Тагиле.

19. Как утверждают власти Российской Федерации, 13 июня 2006 г. У. добровольно явилась в милицию и сообщила, что является героиновой наркоманкой и хочет назвать торговца наркотиками. Она признала, что давно покупает героин у заявителя, но не уточнила, в течение какого именно периода. Милиционеры предложили ей принять участие в проверочной закупке наркотиков у заявителя, и та согласилась.

20. Согласно объяснениям заявителя он знал У. с начальной школы через подругу. Ему было известно, что она употребляет наркотики, периодически она предлагала ему купить подержанные мобильные телефоны, которые брала неизвестно где. За несколько месяцев до проверочной закупки она продала ему DVD-плеер, который позже был изъят милицией как украденный. По этой причине У. была должна заявителю 6 000 рублей, которые она была не в состоянии вернуть. 13 июня 2006 г. она связалась с ним по телефону и предложила вернуть долг, но при условии, что он купит ей определенное количество героина, в котором она остро нуждалась. Заявитель связался со знакомым торговцем наркотиками и договорился о нужном для У. количестве. Заявитель утверждал, что впервые приобретал наркотик для У. или кого-либо еще.

21. Не оспаривается сторонами, что до получения сведений от У. милиция не имела информации, позволяющей предполагать возможную причастность заявителя к сбыту наркотиков.

22. В тот же день милиция решила организовать проверочную закупку. В постановлении были указаны имя и адрес заявителя и отмечалось, что он подозревается в сбыте героина по цене 500 рублей за грамм. У. вручили 3 000

рублей в купюрах, с которых предварительно были сняты фотокопии. Она созвонилась с заявителем и договорилась о покупке пяти граммов героина. Содержание телефонного разговора, который произошел в помещении милиции и в присутствии сотрудников милиции, не записывалось. Заявитель встретился с У. в условленном месте в городе, и она передала ему деньги. Милиция задержала заявителя на месте. При нем обнаружили 3 000 рублей в купюрах, совпадавших с теми, с которых милиционеры ранее сняли фотокопии. У. выдала пакет героина, предположительно приобретенный у заявителя. Заявитель утверждал, что не поставлял наркотики, выданные У., поскольку планировалось, что он отдаст их ей позднее.

23. После задержания заявитель предложил назвать милиции торговца наркотиками, у которого он купил героин для У., и провести у него проверочную закупку, но это предложение не было принято.

24. В первой инстанции дело рассматривал Орджоникидзевский районный суд Екатеринбурга. На суде заявитель признал себя виновным частично, но заявил, что преступление, которое он совершил, явилось следствием подстрекательства со стороны милиции. Заявитель, в частности, подчеркнул, что не имеется доказательств того, что он когда-либо участвовал в торговле наркотиками. Он утверждал, что У. ранее просила его покупать для нее героин, зная, что у него есть знакомый торговец, но он всегда отказывался. 13 июня 2006 г. он впервые согласился помочь ей и то лишь потому, что в этом случае она обещала вернуть ему долг. Он заявил, что участие У. в проверочной закупке не было "добровольным", а ее подстрекали милиционеры, которые манипулировали ею, используя наркотическую зависимость У.

25. У. сказала в судебном разбирательстве, что 13 июня 2006 г. она добровольно явилась в милицию, чтобы сообщить об участии заявителя в торговле наркотиками. Также она утверждала, что ранее покупала героин у заявителя как минимум трижды.

26. Милиционер, который проводил проверочную закупку, пояснил в суде, что 13 июня 2006 г. У. добровольно явилась в отдел милиции и сказала, что является героиновой наркоманкой и хочет сообщить, что заявитель продает ей наркотики. Милиционер также утверждал, что она сотрудничала с ним в течение шести месяцев до проверочной закупки и принимала участие в несвязанных с заявителем проверочных закупках у других лиц. Также он заявил, что до 13 июня 2006 г. у милиции не было информации о заявителе и что решение о проверочной закупке было принято, как только У. сообщила о нем. Ее попросили позвонить заявителю сразу же из отдела милиции, при этом она просила заявителя только продать ей героин и не затрагивала другие темы.

27. Суд также допросил другого милиционера, который принимал участие в проверочной закупке, и огласил показания, данные понятыми в ходе расследования, в которых они изложили подробности проверочной закупки. 28 сентября 2006 г. суд признал заявителя виновным в покушении на незаконный сбыт наркотиков в особо крупном размере. Суд не рассматривал довод заявителя о подстрекательстве к преступлению, указав, что факт сбыта был в достаточной степени установлен и что проверочная закупка

осуществлялась в соответствии с процессуальными требованиями. Суд решил, что версия событий, изложенная заявителем, согласно которой он встречался с У. с целью возврата долга, опровергается другими показаниями. Заявитель был приговорен к десяти годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

28. Заявитель обжаловал приговор, сославшись на подстрекательство милиции к совершению преступления, за которое он был осужден, и утверждая, что суд первой инстанции дал неправильную оценку доказательств.

29. 6 декабря 2006 г. Свердловский областной суд оставил без изменения приговор суда первой инстанции. Он не рассматривал довод о подстрекательстве и ограничился выводом о том, что приговор, вынесенный заявителю, является законным и обоснованным.

С. Жалоба Дружинина

30. Заявитель родился в 1977 году и проживает в Москве. Ранее он проходил милицейскую подготовку, в 2002 году был осужден за убийство, после освобождения работал сварщиком. В настоящее время он отбывает наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии в Республике Мордовия после описанного ниже осуждения за преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков.

31. Как утверждают власти Российской Федерации, 4 сентября 2008 г. Z. добровольно явилась в местный орган Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФКСН <*>, милиция) и сообщила, что является героиновой наркоманкой и хочет уведомить власти о том, что заявитель является наркодилером. Милиция предложила ей участвовать в проверочной закупке наркотиков у заявителя, на что та согласилась.

<*> Точнее ФСКН России (прим. переводчика).

32. Сторонами не оспаривается, что до обращения Z. милиция не имела сведений, позволявших предполагать возможную причастность заявителя к сбыту наркотиков. Однако власти Российской Федерации также утверждали, что эта информация подтверждалась рапортом сотрудника Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, составленным в тот же день, 4 сентября 2008 г.

33. Как утверждает заявитель, он знал Z. в течение десяти лет за счет личных контактов, и был знаком с некой П. Благодаря своей милицейской подготовке, пройденной в Федеральной службе по контролю за оборотом наркотиков, он знал, что обе женщины являются наркозависимыми, имеют криминальное прошлое в связи со сбытом наркотиков и что они являются информаторами милиции. 4 сентября 2008 г. Z. позвонила ему и попросила сообщить ей телефонный номер П., поскольку хотела купить у нее наркотики, она утверждала, что у нее абстинентный синдром и она находится на грани

самоубийства. Позднее в тот же день Z. снова позвонила ему и попросила пойти вместе с ней на встречу с П., так как боялась, что П. ей ничего не продаст, если она будет одна. Из сострадания он решил пойти с ней. Когда все трое встретились, П. продала Z. два грамма метамфетамина, наркотика, производимого в домашних условиях из эфедрина и называемого в просторечии и в ходе судебного разбирательства "винт". Заявитель был задержан на месте. Он утверждал, что в момент задержания при нем не было ни денег, ни наркотиков и что деньги ему подкинули в ходе обыска. Заявитель признал, что помогал Z. с приобретением "винта", однако настаивал, что впервые сделал это для Z. или кого-либо еще, поддавшись на ее настойчивые уговоры.

34. Официальные документы содержат следующие сведения о проверочной закупке. Получив информацию от Z., милиция приняла решение о проверочной закупке и немедленно приступила к ее осуществлению. В постановлении было указано имя заявителя и отмечалось, что он подозревается в продаже "винта" по цене 500 рублей за грамм. Z. вручили 1 000 рублей в купюрах, с которых были сняты фотокопии. Она позвонила заявителю из помещения милиции и попросила купить для нее наркотика. Он перезвонил ей позднее, и они договорились о покупке двух граммов "винта". Милиционеры слушали разговор Z. с заявителем по телефону, но не записывали его. Заявитель встретился с Z. в тот же вечер, и они совместно встретились с другим лицом, П. Когда Z. подала сигнал милиции, заявитель был задержан и доставлен в отдел милиции. В отделе милиционеры осмотрели бумажник, предположительно обнаруженный при нем, в котором находились 1 000 рублей в купюрах, совпадавшими с теми, с которых ранее были сняты фотокопии. Z. передала шприц с "винтом", предположительно приобретенный у заявителя. П. также была задержана, но вскоре отпущена и не подверглась преследованию.

35. В судебном заседании заявитель признал себя виновным в оказании Z. содействия в приобретении наркотиков, но утверждал, что милиция подстрекала его к этому, и просил об исключении материалов, связанных с проверочной закупкой из числа доказательств.

36. Z. рассказала, что добровольно сообщила о заявителе в милицию, так как считала, что это облегчит ей преодоление зависимости. Z. утверждала, что до проверочной закупки не покупала наркотика у заявителя, однако, поскольку они покупали и употребляли их вместе, она сообщила милиции, что ей удастся уговорить его приобрести для нее наркотика. Также Z. сообщила, что не знает, продавал ли заявитель ранее наркотика кому-либо еще и что она практически уверена, что он не производил их самостоятельно. Кроме того, Z. признала, что раньше приобретала наркотика у другого источника. Наконец, что касается обстоятельств проверочной закупки, Z. пояснила, что передала деньги заявителю и взяла у него шприц и что она не видела, чтобы П. держала в руках либо деньги, либо шприц.

37. Заявитель ходатайствовал о вызове и допросе П., но суд отметил, что она была вызвана и скрылась, и ее местонахождение неизвестно. Суд нашел

это исключительным обстоятельством, позволяющим принять к сведению ее письменные показания. Несмотря на возражения заявителя, суд огласил ее досудебные показания, где говорилось, что она привезла наркотики в согласованное место по просьбе заявителя, но продажа была организована им.

38. Четыре сотрудника милиции были допрошены по поводу негласной операции. Они повторно изложили подробности проверочной закупки. Один из них в ответ на вопрос сказал, что Z. не получала вознаграждения за сотрудничество с милицией.

39. 17 февраля 2009 г. Зюзинский районный суд Москвы признал заявителя виновным в покушении на незаконный сбыт наркотиков и приговорил его к четырем с половиной годам лишения свободы. Наказание было увеличено до пяти лет в связи с нарушением условий условно-досрочного освобождения, относящихся к его предыдущей судимости.

40. Заявитель обжаловал приговор, ссылаясь на подстрекательство милиции к совершению преступления, за которое он был осужден, и утверждал, что суд первой инстанции дал неправильную оценку доказательств.

41. 13 мая 2009 г. Московский городской суд рассмотрел жалобу. Он отклонил довод о подстрекательстве, указав, что проверочная закупка была основана на сведениях, сообщенных Z. милиции, в частности, о том, что "она ранее неоднократно приобретала наркотики у заявителя", и заключил, что проверочная закупка была, таким образом, законной. Он оставил приговор суда первой инстанции без изменения, найдя его обоснованным.

II. Применимое национальное законодательство и практика

A. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотиков

42. Статья 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (действовавшего в период, относящийся к обстоятельствам дела) предусматривала, что незаконный сбыт наркотических средств или психотропных веществ наказывается лишением свободы на срок от четырех до восьми лет, те же действия, совершенные организованной группой или в крупном размере, наказываются лишением свободы на срок до 12 лет, те же действия, совершенные в особо крупном размере, наказываются лишением свободы на срок до 20 лет (пункт "г" части 3 статьи 228.1).

43. 15 июня 2006 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал разъяснения (Постановление N 14) о судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами. Пленум, в частности, указал, что любая передача таких веществ, осуществляемая в ходе проверочной закупки, проводимой в соответствии с Законом "Об оперативно-розыскной деятельности", должна квалифицироваться по части 3 статьи 30 и соответствующей части статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Он также установил следующие условия, при которых результаты

проверочной закупки могут быть приняты как доказательства в уголовном судопроизводстве: (i) они должны быть получены в соответствии с законом, (ii) они должны свидетельствовать, что умысел обвиняемого на незаконный оборот наркотических средств сформировался независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений, а также (iii) о проведении лицом всех подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния.

В. Методы расследования

44. Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности" от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ в период, относящийся к обстоятельствам дела, предусматривал следующее:

"Статья 1. Оперативно-розыскная деятельность

Оперативно-розыскная деятельность - вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом (далее - органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность), в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Статья 2. Задачи оперативно-розыскной деятельности

Задачами оперативно-розыскной деятельности являются:

- выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших...

Статья 5. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности

...Лицо, полагающее, что действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, привели к нарушению его прав и свобод, вправе обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, прокурору или в суд...

Статья 6. Оперативно-розыскные мероприятия

При осуществлении оперативно-розыскной деятельности проводятся следующие оперативно-розыскные мероприятия:

...4) проверочная закупка...

- 9) контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений;
- 10) прослушивание телефонных переговоров;
- 11) снятие информации с технических каналов связи;
- 12) оперативное внедрение;
- 13) контролируемая поставка;
- 14) оперативный эксперимент.

...Оперативно-розыскные мероприятия, связанные с контролем почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушиванием телефонных переговоров (с подключением к станционной аппаратуре предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, физических и юридических лиц, предоставляющих услуги и средства связи), со снятием информации с технических каналов связи, проводятся с использованием оперативно-технических сил и средств органов федеральной службы безопасности, органов внутренних дел и органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в порядке, определяемом межведомственными нормативными актами или соглашениями между органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность...

Статья 7. Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий

(Основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются)...

- 1) наличие возбужденного уголовного дела;
- 2) ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о:

- 1) признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела...

Статья 8. Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий

Проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии информации:

- 1) о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния;
- 2) о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно...

Проверочная закупка... а также оперативный эксперимент или оперативное внедрение должностных лиц органов, осуществляющих

оперативно-розыскную деятельность, а равно лиц, оказывающих им содействие, проводятся на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия тяжкого преступления <*>, а также в целях выявления и установления лиц, его подготавливающих, совершающих или совершивших...

<*> Буквально в тексте закона: "преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления" (прим. переводчика).

Статья 9. Основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий

Рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, на неприкосновенность жилища при проведении оперативно-розыскных мероприятий осуществляется судом, как правило, по месту проведения таких мероприятий или по месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении. Указанные материалы рассматриваются уполномоченным на то судьей единолично и незамедлительно. Судья не вправе отказать в рассмотрении таких материалов в случае их представления...

По результатам рассмотрения указанных материалов судья разрешает проведение соответствующего оперативно-розыскного мероприятия, которое ограничивает конституционные права граждан, указанные в части первой настоящей статьи, либо отказывает в его проведении, о чем выносит мотивированное постановление...

Статья 10. Информационное обеспечение и документирование оперативно-розыскной деятельности

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, для решения задач, возложенных на них настоящим Федеральным законом, могут создавать и использовать информационные системы, а также заводить дела оперативного учета...

Дела оперативного учета заводятся при наличии оснований, предусмотренных пунктами 1 - 6 части первой статьи 7 настоящего Федерального закона...

Статья 11. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности

Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий...а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств...".

45. 24 июля 2007 г. в статью 5 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" было внесено изменение, запрещающее органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий.

46. Статья 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, действующего с 1 июля 2002 г., предусматривала в период, относящийся к обстоятельствам дела, что решения дознавателя, следователя или прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам "участников уголовного судопроизводства" либо "затруднить доступ граждан к правосудию" могут быть обжалованы в суд, к юрисдикции которого относится место следствия. Последующие изменения Кодекса дополнили перечень должностных лиц, действия которых могут быть обжалованы, за счет руководителя следственного органа.

47. 10 февраля 2009 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал разъяснения (Постановление N 1) о практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений в соответствии со статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Пленум, в частности, указал, что решения должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, также подлежат судебной проверке в соответствии со статьей 125, если эти должностные лица действовали в порядке выполнения поручения следователя, руководителя следственного органа и органа дознания.

С. Доказательства в уголовном процессе

48. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в соответствующих частях предусматривает:

"Статья 75. Недопустимые доказательства

1. Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из (обстоятельств, доказывание которого требуется в разбирательстве уголовного дела)...

Статья 235. Ходатайство об исключении доказательства

...5. Если суд принял решение об исключении доказательства, то данное доказательство теряет юридическую силу и не может быть положено в основу приговора или иного судебного решения, а также исследоваться и использоваться в ходе судебного разбирательства".

49. Статья 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации <*> содержит перечень оснований пересмотра вступившего в силу решения по вновь открывшимся обстоятельствам. Установление Европейским Судом нарушения Конвенции по конкретному делу допускает возобновление рассмотрения дела по вновь открывшимся обстоятельствам (подпункт 4 пункта 4 статьи 392).

<*> Вероятно, имеется в виду статья 413 УПК РФ, содержащая соответствующую норму, поскольку ГПК РФ не регулирует вопросы возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Нижеизложенный § 134 настоящего Постановления содержит ссылки на статьи 413 УПК РФ и 392 ГПК РФ (прим. переводчика).

III. Сравнительное право

50. Европейский Суд провел сравнительное исследование законодательства 22 государств - участников Совета Европы (Австрии, Бельгии, Болгарии, Чехии, Хорватии, Эстонии, Финляндии, Франции, Германии, Греции, Ирландии, Италии, Лихтенштейна, Литвы, "бывшей Югославской Республики Македония", Польши, Португалии, Румынии, Словении, Испании, Турции и Соединенного Королевства) относительно участия негласных сотрудников в проверочных закупках и аналогичных негласных мероприятиях.

51. Сравнительное исследование показало, что во всех этих странах полиция вправе проводить негласные мероприятия, в частности, в делах о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в соответствии с порядком, установленным в соответствующем законодательстве и правилах. Только в Ирландии отсутствует формальная законодательная или регулятивная база для привлечения негласных сотрудников полиции. Ряд стран допускают также привлечение частных лиц и разрешают использование негласных сотрудников только в том случае, если применение иных средств является слишком затруднительным или невозможным.

52. Исследование показывает, что в большинстве затронутых им государств предусмотрена исключительная или частичная ответственность судебных органов за процедуру получения санкции, хотя в некоторых странах решение принимается прокурором, административными органами или руководителями полицейских служб.

53. Судебная санкция требуется в Болгарии (суд), Хорватии (следственный судья), Эстонии (следственный судья), Греции (обвинительная камера), Лихтенштейне, Польше (региональный суд с предварительного

согласия генерального прокурора), Словении (следственный судья) и Турции (судья).

54. В Австрии и Бельгии правом санкционировать негласные мероприятия наделен исключительно прокурор.

55. В ряде стран предусмотрено участие прокурора или суда, или обоих в зависимости, например, от вида операции или, как более общего критерия, стадии разбирательства.

56. В Чехии "фиктивные передачи", включающие проверочные закупки, требуют санкции прокурора, тогда как привлечение негласного сотрудника (по делам об особо тяжких преступлениях) может быть санкционировано только судьей Высокого суда <*>. Согласно германскому законодательству использование негласных сотрудников должно быть санкционировано прокурором и дополнительно судом, если объектом мероприятия является конкретное лицо или предполагается проникновение в частное помещение. В Румынии разрешение дается также прокурором, но для получения предварительного разрешения судьи требуется аудио- и видеозапись при проведении операции.

<*> В Чехии, кроме Верховного суда, действуют также высшие суды, судьи которых, вероятно, выполняют данные функции (прим. переводчика).

57. Во Франции разрешение выдается прокурором на стадии дознания и следственным судьей (juge d'instruction) на стадии предварительного следствия. Литовское законодательство требует разрешения следственного судьи в ходе предварительного следствия, тогда как на более ранних этапах достаточно санкции прокурора. В "бывшей Югославской Республике Македония" особые следственные мероприятия могут быть санкционированы прокурором либо следственным судьей, но после начала следствия разрешение может быть выдано только последним.

58. В Португалии негласные мероприятия в рамках дознания подлежат предварительному санкционированию компетентного представителя прокуратуры с обязательным уведомлением следственного судьи и считаются одобренными, если постановление об отказе в разрешении не будет вынесено в течение 72 часов. Если операция осуществляется в целях предотвращения преступления, она относится к компетенции следственного судьи, который выдает необходимое разрешение по ходатайству органов обвинения.

59. Испанское законодательство также предусматривает уведомление следственного судьи, если разрешение на негласную операцию выдает прокурор. Такое разрешение может быть выдано непосредственно судьей.

60. В Италии отсутствует требование о формальном разрешении прокурора или суда, но соответствующий орган должен представить компетентному прокурору предварительное уведомление о начале операции. В делах, связанных с незаконным оборотом наркотиков, до начала негласной операции Центральный директорат по борьбе с наркотиками или его региональные или провинциальные органы должны проинформировать

прокурора, осуществляющего расследование, но формального одобрения не требуется.

61. В ряде стран суд или прокурор не участвует в процедуре получения санкции. В Финляндии решение о негласных мероприятиях принимает руководитель национального бюро расследований или руководитель полиции безопасности по ходатайству полицейского органа. Органы по принятию решений отделены от служб, осуществляющих операцию.

62. В Соединенном Королевстве негласные мероприятия требуют административного, а не судебного санкционирования. В решении Палаты лордов по делу "Корона против Лусли" (R v. Loosely) (2001) лорд Маккей подчеркнул, что, хотя процедура получения разрешений и надзора за такой практикой в Соединенном Королевстве заметно отличается от судебного контроля в континентальных странах, она имеет ту же цель, а именно устранение угрозы вымогательства, коррупции или злоупотребления должностными полномочиями полицейских, действующих без надлежащего надзора.

Публичные органы, уполномоченные использовать или осуществлять негласные источники информации (далее - CHIS), перечислены в законе. В каждом государственном органе имеется должностное лицо, уполномоченное давать разрешения.

Должностные лица, уполномоченные давать разрешения, не должны санкционировать собственную деятельность, то есть такую, в рамках которой они сами должны действовать как CHIS или как лица, использующие CHIS. Кроме того, должностные лица, уполномоченные давать разрешения, должны быть независимыми от расследования, насколько это возможно. Однако следует признать, что это не всегда возможно, особенно в случае малочисленных организаций или там, где необходимо действовать безотлагательно или из-за соображений безопасности. Если должностное лицо, уполномоченное давать разрешения, санкционирует собственную деятельность, это должно быть отражено в центральном реестре разрешений, и при очередной проверке на это необходимо обратить внимание комиссара или инспектора.

63. В Ирландии также отсутствует судебная разрешительная процедура. Полиция или иные правоохранительные органы принимают и исполняют все оперативные решения относительно негласных мероприятий.

IV. Применимое международное право

А. Инструменты Совета Европы

64. Инструменты Совета Европы по использованию специальных методов расследования изложены в деле "Раманаускас против Литвы" (Ramanauskas v. Lithuania) (Постановление Большой Палаты, жалоба N 74420/01, § 35 - 37, ECHR 2008-...).

В. Резолюции Комитета Министров

65. 26 февраля 2001 г. Комитет министров Совета Европы завершил рассмотрение жалобы N 25829/94 по делу "Тейшейра ди Каштру против Португалии" (Teixeira de Castro v. Portugal) (Постановление Европейского Суда от 9 июня 1998 г, Reports of Judgments and Decisions 1998-IV), приняв Резолюцию CM/ResDS (2001)12, в которой излагались меры, принятые властями Португалии для предотвращения будущих нарушений пункта 1 статьи 6 Конвенции в части использования полицией негласных сотрудников:

"...Для обеспечения того, чтобы использование негласных сотрудников не нарушало ненадлежащим образом право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное Конвенцией, статья 59 Законодательного декрета N 15/93 о предотвращении торговли наркотиками была изменена Законом от 3 сентября 1996 г. N 45/1996. В соответствии с дополнительным § 3 к статье 59 использование подобных лиц требует одобрения суда, которое должно быть выдано в течение пяти дней и в котором должен быть указан определенный срок.

Власти придерживаются мнения, что ввиду надзаконного статуса Конвенции, как его толкует Европейский Суд, в португальском законодательстве (решения Конституционного суда от 15 июня 1999 г. N 345/99 и 12 октября 1999 г. 533/99) португальские суды должны осуществлять такой надзор и согласовать свое толкование Уголовно-процессуального кодекса (в частности, статьи 126) таким образом, чтобы избежать новых нарушений, сходных с теми, что были обнаружены в деле Тейшейры ди Каштру.

Для содействия данному согласованию Постановление Европейского Суда было опубликовано в "Ревюшта португеза ди сиенсья криминал" (Revista Portuguesa de Ciencia Criminal) (RPCC 10/2000), а также распространено среди заинтересованных органов, включая полицию".

66. 10 марта 2011 г. Комитет министров завершил исполнение Постановления по делу "Пиргиотакис против Греции" (Pyrgiotakis v. Greece) (жалоба N 15100/06, 21 февраля 2008 г.), приняв Резолюцию ResDS (2011)11, в соответствующей части которой указывалось следующее:

"Выводы Европейского Суда восприняты национальной судебной практикой: предполагается, что в соответствии со статьей 6 Конвенции осуждение обвиняемого не может основываться исключительно на действиях сотрудника полиции, привлеченного к делу (действующего в качестве агента-provocатора), если не соблюдены требования о справедливом судебном разбирательстве (Кассационный суд 193/2009). Кроме того, такое осуждение должно основываться на дополнительных веских доказательствах, а не только на показаниях привлеченных сотрудников полиции (Кассационный суд 100/2007, Апелляционный суд Корфу 29/2007)".

67. 2 декабря 2011 г. Комитет министров завершил исполнение Постановлений по делам Раманаускаса, упоминавшимся выше, и "Малининас против Литвы" (Malininas v. Lithuania) (жалоба N 10071/04, Постановление

Европейского Суда от 1 июля 2008 г.), приняв Резолюцию CM/ResDS (2011)231, в которой излагались меры, принятые властями Литвы для предотвращения будущих нарушений пункта 1 статьи 6 Конвенции в части использования полицией негласных сотрудников:

"Для предотвращения аналогичных нарушений Верховный суд изложил в своем решении от 16 декабря 2008 г. основные принципы в отношении случаев применения модели симуляции преступного поведения.

Во-первых, Верховный суд подчеркнул, что модель симуляции преступного поведения как метод расследования не может использоваться для подстрекательства к совершению преступления, но может применяться, только если уже была получена достоверная и объективная информация о том, что преступная деятельность осуществляется.

Во-вторых, должностные лица государства не могут действовать как частные лица с целью подстрекательства третьих лиц к совершению преступления, в то время как действия частных лиц, действующих с целью провокации третьих лиц к совершению преступления по указаниям и под контролем должностных лиц государства составляют такое подстрекательство.

В-третьих, вывод о наличии акта подстрекательства возможен, даже если должностные лица государства не действуют весьма интенсивно и напористо, включая ситуации, когда контакт с третьими лицами происходит не напрямую, а через посредников.

В-четвертых, бремя доказывания в судебных разбирательствах лежит на государственных органах, которые обязаны опровергать любые доказательства, выдвигаемые обвиняемым по уголовному делу в отношении подстрекательства к совершению преступления со стороны государственных представителей.

В-пятых, как только установлен факт подстрекательства, все доказательства, полученные за счет подстрекательства, становятся недопустимыми. Признание в совершении преступления не устраняет ни факта подстрекательства, ни его последствия.

В-шестых, предпочтительно, чтобы за методами негласных мероприятий осуществлялся надзор со стороны суда, хотя прокурорский надзор сам по себе не нарушает Конвенцию.

Настоящее решение Верховного суда является обязательным для судов страны. Таким образом, оно предусматривает ясную и предсказуемую процедуру для всех подобных дел".

Право

I. Объединение жалоб в одно производство

68. Учитывая, что настоящие жалобы касаются одних и тех же претензий и затрагивают идентичные вопросы, относящиеся к сфере действия Конвенции, Европейский Суд принимает решение рассмотреть их совместно

в одном постановлении в соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Суда.

II. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции

69. Заявители жаловались на то, что были несправедливо осуждены за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, по подстрекательству милиции и что их доводы о подстрекательстве не были надлежащим образом рассмотрены в рамках национальных разбирательств в нарушение статьи 6 Конвенции. Эти жалобы подлежат рассмотрению с точки зрения пункта 1 статьи 6 Конвенции, который предусматривает следующее:

"Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...".

70. Власти Российской Федерации оспорили этот довод. Они утверждали, что заявители не исчерпали внутренние средства правовой защиты, поскольку не обжаловали предполагаемое подстрекательство в прокуратуру или суды.

71. Заявители не согласились с этим и отметили, что они выдвигали довод о подстрекательстве в судах первой и кассационной инстанций. Они ссылались на извлечения из протоколов судебных заседаний и копии своих жалоб, которые содержали упоминание соответствующих доводов.

A. Приемлемость жалоб

72. Рассмотрев документы, предоставленные заявителями, Европейский Суд находит, что протоколы судебных заседаний и кассационные жалобы содержат достаточно ясные и конкретные доводы о том, что данные преступления являлись следствием милицейского подстрекательства. Кроме того, из этих документов, как и из соответствующих приговоров, с очевидностью следует, что такие доводы были поняты национальными судами, однако отклонены. Следовательно, Европейский Суд заключает, что претензии заявителей были доведены до сведения национальных судов, уполномоченных их рассматривать.

73. Насколько власти Российской Федерации могут быть поняты как полагающие, что до выдвижения довода о подстрекательстве в суде или в дополнение к нему заявители были обязаны предъявить те же претензии в прокуратуру, Европейский Суд полагает, что это не было обязательно для исполнения правила исчерпания внутренних средств правовой защиты. Он напоминает, что к заявителю, который исчерпал средство правовой защиты, по-видимому, являющееся эффективным и достаточным, не может быть предъявлено требование об использовании средств, являющихся доступными, но, вероятно, не обеспечивающими перспектив успеха (см. Постановление Большой Палаты по делу "Акилина против Мальты" (*Aquilina v. Malta*), жалоба N 25642/94, § 39, ECHR 1999-III). Если средство было исчерпано, использования других средств, которые имеют по сути те же цели, не требуется (см. Постановление Большой Палаты по делу от 15 октября 2009 г.

"Микаллеф против Мальты" (Micallef v. Malta), жалоба N 17056/06, § 58). При обстоятельствах настоящего дела Европейский Суд считает, что заявители исполнили требование об исчерпании средств правовой защиты и что не было установлено, что жалоба прокурору имела бы лучшие перспективы.

74. Соответственно, он отклоняет доводы властей Российской Федерации о неисчерпании внутренних средств правовой защиты.

75. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба <*> не является явно необоснованной в значении подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

<*> Вероятно, имеются в виду все жалобы заявителей по настоящему делу (прим. переводчика).

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

(а) Власти Российской Федерации

76. Власти Российской Федерации утверждали, что проверочные закупки, проведенные по всем трем делам, были законными и не являлись милицейской провокацией. Они полагали, что в каждом деле милиция организовывала проверочные закупки на основании информации, полученной из независимых источников, а именно от частных лиц X., Y. и Z., выразивших желание разоблачить преступную деятельность заявителей. Они считали, что по этой причине настоящее дело следует отличать от дел "Ваньян против Российской Федерации" (Vanyan v. Russia) (жалоба N 53203/99, Постановление Европейского Суда от 15 декабря 2005 г. <*>) и "Раманаускас против Литвы" (упоминавшегося выше).

<*> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 7/2006.

77. В отношении Дружинина власти Российской Федерации также указали, что в дополнение к вышеупомянутой информации от частного лица имелся рапорт сотрудника Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, связанный с имевшимися ранее сведениями о том, что заявитель сбывает наркотики.

78. В любом случае они отмечали, что в соответствии с законодательством страны один источник информации являлся достаточным для проведения проверочной закупки.

79. Они также утверждали, что ни милиция, ни покупатели, участвовавшие в негласных мероприятиях, не оказывали давления на

заявителей с целью принуждения их к продаже во время проверочных закупок.

80. Кроме того, власти Российской Федерации указывали, что формальные требования к проверочной закупке были соблюдены в каждом деле. Они подчеркивали, что судебная санкция не требовалась, поскольку данные негласные мероприятия не затрагивали конституционного права заявителей на тайну их корреспонденции, телефонных или иных переговоров или уважение их жилища. Таким образом, для проверочных закупок было достаточно решения милицейского руководителя. Они также утверждали, что использование результатов проверочной закупки в качестве доказательств было законным в соответствии с правилами допустимости доказательств, и заявители не лишались права их оспаривания в суде, в частности, на основании подстрекательства.

81. Наконец власти Российской Федерации утверждали, что доводы заявителей о подстрекательстве были рассмотрены судами страны. Все материалы, относящиеся к проверочным закупкам, были открыты для ознакомления сторонам, и все соответствующие свидетели были подвергнуты перекрестному допросу. Следовательно, осуждение заявителей за торговлю наркотиками было справедливым и законным.

(b) Заявители

82. Заявители утверждали, что проверочные закупки, проведенные в их делах, не имели целью расследование преступлений, поскольку милиция не имела оснований подозревать их в намерении продать наркотики. Они указали, что органы власти не располагали какой-либо информацией, позволяющей предполагать их участие в торговле наркотиками или указывающей на их предрасположенность к совершению преступлений, связанных с наркотиками.

83. В то же время заявители утверждали, что до проверочных закупок они никогда не выступали посредниками в приобретении наркотиков и не сделали бы этого, если бы их не подстрекали к этому милиция и ее информаторы. Более того, в делах Веселова и Дружинина лица, которые донесли на заявителей, позднее показали, что не приобретали у них наркотики до того, как указали на них как на торговцев наркотиками, и не знали, продавали ли они наркотики кому-либо еще. Что касается довода властей Российской Федерации в отношении его дела, Дружинин утверждал, что милицейский рапорт, на который они ссылались, не содержал никакой более ранней информации, которая могла бы вызвать подозрения в том, что он является наркодилером.

84. В любом случае все три заявителя оспорили утверждения властей Российской Федерации о том, что источниками информации милиции явились частные лица, не связанные с оперативно-розыскной деятельностью. Они утверждали, что X., Y. и Z. давно являлись информаторами милиции и регулярно выступали в качестве покупателей в рамках проверочных закупок наркотиков. Веселов подкрепил свое утверждение копиями судебных актов, вынесенных по не связанным с ним уголовным делам, где тот же источник

действовал в качестве покупателя в ходе других контрольных закупок. Золотухин также утверждал, что источник по его делу сотрудничал с милицией по другим делам в течение не менее чем шести месяцев до сообщения информации о нем, и этот факт был установлен в ходе слушаний в суде первой инстанции. Дружинин аналогичным образом настаивал на том, что в его деле источник не являлся обычным частным лицом, а информатором милиции, что предположительно было известно ему благодаря подготовке в Федеральной службе по контролю за оборотом наркотиков.

85. Заявители также утверждали, что следственные органы по сути не действовали в основном пассивно. Они не приняли мер для проверки информации, полученной от осведомителей, но ограничились следствием только одним мероприятием - проверочной закупкой. Они указали, что власти инициировали контакт с ними и уговорили их через информаторов найти наркотики. Они отметили, что покупатели беспрестанно преследовали их настойчивыми просьбами, и они уступили их требованиям исходя из того, что сделают это только один раз, в виде исключения.

86. Кроме того, заявители утверждали, что отсутствие формальных требований к санкционированию проверочных закупок и их неудовлетворительное документирование не позволили им раскрыть, а судам страны рассмотреть основания для проверочной закупки и методы милиции и ее информаторов.

87. Наконец, заявители подчеркнули, что суды надлежащим образом не рассмотрели их доводы о том, что преступления, в совершении которых они обвинялись, были спровоцированы милицией. В целом они полагали, что уголовные разбирательства по их делам были основаны на провокации, и данные преступления никогда бы не были совершены, если бы не подстрекательство милиции.

2. Мнение Европейского Суда

(a) Общие принципы

88. Общие принципы относительно гарантий справедливого судебного разбирательства в контексте негласных следственных мероприятий, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотиков и коррупцией, содержатся в обширной прецедентной практике Европейского Суда, кратко изложенной в деле "Банникова против Российской Федерации" (Bannikova v. Russia) (жалоба N 18757/06, § 33 - 65, Постановление Европейского Суда от 4 ноября 2010 г. <*>). Те, что непосредственно применимы в настоящих делах, повторно изложены ниже.

<*> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 4/2011.

89. В то время как Европейский Суд признает использование негласных

сотрудников в качестве законного следственного метода борьбы с тяжкими преступлениями, он требует обеспечения адекватных гарантий против злоупотреблений, поскольку публичный интерес не может оправдывать использование доказательств, полученных в результате полицейского подстрекательства (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Тейшейра ди Каштру против Португалии", § 34 - 36). В частности, Конвенция не препятствует использованию на стадии предварительного следствия, если этого требует характер преступления, таких источников, как анонимные информаторы. Однако последующее использование подобных источников судом первой инстанции при признании виновности составляет иной вопрос и является допустимым только при наличии адекватных и достаточных гарантий против злоупотреблений, в частности, ясной и предсказуемой процедуры санкционирования, осуществления данных следственных действий и контроля за ними (см. Постановление Европейского Суда от 26 октября 2006 г. по делу "Худобин против Российской Федерации" (*Khudobin v. Russia*), жалоба N 59696/00, § 135 <*>, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Раманаускас против Литвы", § 53).

<*> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 11/2007.

90. В делах, в которых основное доказательство получено за счет негласной операции, такой как проверочная закупка наркотиков, власти должны доказать, что они имели достаточные основания для организации негласного мероприятия. В частности, они должны располагать конкретными и объективными доказательствами, свидетельствующими о том, что имеют место приготовления для совершения действий, составляющих преступление, за которое заявитель в дальнейшем преследуется (см. Решение Европейского Суда по делу "Секейра против Португалии" (*Sequeira v. Portugal*), жалоба N 73557/01, ECHR 2003-VI, Решение Европейского Суда по делу "Юрофинаком" против Франции" (*Eurofinacom v. France*), жалоба N 58753/00, ECHR 2004-VII, Решение Европейского Суда по делу "Шэннон против Соединенного Королевства" (*Shannon v. United Kingdom*), жалоба N 67537/01, ECHR 2004-IV, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Раманаускас против Литвы", § 63 и 64, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Малининас против Литвы", § 36). Европейский Суд указывал, что любая информация, использованная властями, должна допускать проверку (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ваньян против Российской Федерации", § 49, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Худобин против Российской Федерации", § 134).

91. Если власти ссылаются на то, что действовали на основании сведений, полученных от частного лица, Европейский Суд различает индивидуальную жалобу и информацию, поступившую от полицейского сотрудника или

информатора (см. упоминавшиеся выше Решение Европейского Суда по делу "Секейра против Португалии" и Решение Европейского Суда по делу "Шэннон против Соединенного Королевства", Постановление Европейского Суда от 24 июня 2008 г. по делу "Милиниене против Литвы" (Miliniene v. Lithuania), жалоба N 74355/01, § 37 - 38, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Малининас против Литвы", § 37, и Постановление Европейского Суда от 16 июля 2009 г. по делу "Горгиевски против "бывшей Югославской Республики Македония" (Gorgievski v. "former Yugoslav Republic of Macedonia"), жалоба N 18002/02, § 52 и 53). Последние подвергаются значительному риску расширения их функций до агентов-provokatorov с возможным нарушением пункта 1 статьи 6 Конвенции, если они должны принимать участие в контролируемой полицией операции. Таким образом, в каждом деле необходимо устанавливать, осуществлялись ли уже преступные действия в момент начала сотрудничества источника с полицией (см. упоминавшиеся выше Решение Европейского Суда по делу "Секейра против Португалии" и Решение Европейского Суда по делу "Юрофинаком" против Франции").

92. Кроме того, в любой негласной операции должно соблюдаться требование о проведении расследования в основном пассивным способом. Это, в частности, исключает любое поведение, которое может расцениваться как давление, оказанное на заявителя с целью совершения им преступления, такое как инициативный контакт с заявителем, повторное предложение после первоначального отказа, настоятельные требования, повышение цены по сравнению с обычной или обращение к состраданию заявителя с упоминанием абстинентного синдрома (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Раманаускас против Литвы", § 67, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ваньян против Российской Федерации", § 11 и 49, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Малининас против Литвы", § 37).

93. Европейский Суд указывал, что граница между законным внедрением негласного сотрудника и подстрекательством к совершению преступления с большой вероятностью будет преодолена в отсутствие ясной и предсказуемой процедуры, установленной национальным законодательством для санкционирования негласных мероприятий, тем более, если надлежащий контроль также отсутствует. В делах против Российской Федерации Европейский Суд, в частности, отмечал, что ни Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности", ни иные акты не предусматривают достаточных гарантий относительно проверочных закупок, и подчеркивал необходимость получения санкции суда или другого независимого органа и контроля с их стороны (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ваньян против Российской Федерации", § 46 и 47, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Худобин против Российской Федерации", § 135, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Банникова против Российской Федерации", § 49 - 50).

94. Наконец, Европейский Суд подчеркивал роль национальных судов, рассматривающих уголовные дела, в которых обвиняемый утверждал, что подвергся подстрекательству к совершению преступления. Любой доказуемый довод о подстрекательстве создает для судов обязанность рассмотреть его способом, совместимым с правом на справедливое судебное разбирательство. Применяемая процедура должна быть состязательной, тщательной, всесторонней и убедительной в вопросе о провокации, причем на сторону обвинения возлагается бремя доказывания отсутствия подстрекательства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Раманаускас против Литвы", § 70). Пределы судебной проверки должны включать мотивы принятия решения о негласном мероприятии, степень участия полиции в совершении преступления и характер любого подстрекательства или давления, которому подвергся заявитель (см. там же, § 71). Что касается Российской Федерации, Европейский Суд, в частности, устанавливал, что национальные суды были уполномочены рассматривать такие доводы, например, в рамках процедуры исключения доказательств (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Худобин против Российской Федерации", § 133 - 135).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

95. До начала рассмотрения конкретных обстоятельств трех заявителей Европейский Суд изложит общие соображения, применимые к каждому из них. Он отмечает, что, оспаривая справедливость уголовного судопроизводства, заявители утверждали, что проверочные закупки в их делах были санкционированы произвольно, в отсутствие предварительной информации о какой-либо преступной деятельности с их стороны, и что органы власти вели расследование способом, который не являлся "в основном пассивным". Все они отмечали, что полицейские источники в их делах являлись информаторами милиции, а не независимыми частными лицами. Они также жаловались на отсутствие нормативной базы, обеспечивающей гарантии при проведении негласных мероприятий, и утверждали, что суды страны не рассмотрели их доводы о провокации надлежащим образом.

96. Следовательно, основной вопрос в настоящем деле сводится к способу, которым власти провели проверочные закупки. Европейский Суд отмечает, что, хотя предварительные условия и обстоятельства трех негласных мероприятий отличались, они обладают рядом сходных признаков. В частности, они были организованы исключительно на основании предположительно добровольного сообщения сведений частным источником, который впоследствии действовал как покупатель в ходе проверочной закупки. В каждом случае личность источника была установлена, и он давал показания в суде. Никакая другая нераскрытая информация не играла роли в национальном процессе при принятии решений или в судебной оценке. Обстоятельства сделок, совершенных между заявителями и негласными сотрудниками, были в достаточной мере установлены и в основном не

оспаривались сторонами. Соответственно, Европейский Суд рассмотрит жалобы заявителей на подстрекательство на основании тех же материалов, которые использовали национальные власти. С учетом характера претензий и лежащих в их основе фактов Европейский Суд исследует вопрос о том, подверглись ли заявители милицейской провокации, что в основном относится к сфере материально-правового текста подстрекательства (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Банникова против Российской Федерации", § 37 - 50), хотя последующее судебное разбирательство также будет принято во внимание.

97. Европейский Суд далее приступит к оценке поведения властей в каждой из трех проверочных закупок.

(i) Проверочная закупка в деле Веселова

98. Как утверждают национальные власти, эта проверочная закупка была организована после добровольного сообщения о преступной деятельности заявителя. Власти Российской Федерации ссылались на то, что сведения об этом сообщил милиции независимый источник, частное лицо X. Заявитель оспаривал это объяснение и утверждал, что X. являлся милицейским информатором и ранее участвовал в других проверочных закупках, из которых не менее четырех повлекли вынесение обвинительных приговоров.

99. Сторонами не оспаривалось, и это подтверждается национальными решениями, что милиция не имела сведений о заявителе до того, как X. обратился к ней 19 мая 2009 г. Вместе с тем согласно показаниям X. он не покупал наркотики у заявителя иначе как в рамках проверочной закупки. Тем не менее власти Российской Федерации полагали, что информация, полученная от X., давала милиции достаточные основания для назначения проверочной закупки, и не ставили под сомнение разумность ее немедленной организации.

100. Европейский Суд принимает к сведению документальные доказательства, представленные заявителем, которые подтверждают причастность X. к несвязанным проверочным закупкам, проведенным милицией, и находит, что они убедительно подтверждают долгосрочное сотрудничество X. со следственными органами.

101. Европейский Суд полагает, что статус X. как милицейского информатора отличает настоящее дело от ситуации, в которой полиция уведомляется частным лицом, не являющимся сотрудником полиции или информатором, о том, что преступное действие уже совершается. Примеры таких ситуаций усматриваются в делах Шэннона (упоминавшемся выше), в котором полиция получила полные материалы, документирующие сбыт наркотиков заявителем, и Милиниине (упоминавшемся выше), в котором власти получили жалобу на то, что заявительница требует взятку. В обоих делах полиция была обязана проверить заявления о преступлениях, которые уже совершаются. Европейский Суд нашел, что в подобных делах использование этих следственных методов не связано с угрозой

подстрекательства со стороны полиции при наличии реальных процессуальных гарантий.

102. Когда речь идет о сообщениях сотрудников полиции и информаторов, учитываются иные соображения. Европейский Суд требовал четкого разделения их использования в качестве источников информации и их участия в негласных мероприятиях под контролем милиции. Он последовательно подчеркивал, что их роль должна оставаться строго пассивной, чтобы не подстрекать к совершению преступления, что труднодостижимо, когда проверочная закупка совершается информатором, действующим в качестве покупателя (как в упоминавшемся выше деле "Худобин против Российской Федерации", § 134). Следовательно, проверочная закупка, совершаемая негласным сотрудником или информатором, нуждается в особо серьезном обосновании, и она должна проводиться в соответствии со строгой процедурой получения санкции и при условии ее документирования таким образом, чтобы обеспечить последующий независимый контроль за действиями участников.

103. Что касается процедуры санкционирования, Европейский Суд учитывает, что российская правовая база для получения санкции на проверочные закупки и контроля за ними была признана недостаточной в делах "Ваньян против Российской Федерации" (упоминавшемся выше, § 46 и 47) и "Худобин против Российской Федерации" (упоминавшемся выше, § 135), и отмечает, что с тех пор она не получила развития. Хотя провокация была прямо запрещена изменениями законодательства 2007 года (см. § 44 настоящего Постановления), никакие законодательные или регулятивные инструменты не дают определения или толкования данного термина или каких-либо практических указаний, как избегать ее.

104. Как и в вышеупомянутых делах, проверочная закупка в отношении заявителя была санкционирована простым административным решением органа, который позднее провел операцию. Решение содержало очень мало информации относительно причин и целей планируемой проверочной закупки, и мероприятие не подлежало судебному или иному независимому контролю. Решение не требовало изложения мотивов, и применимые формальности практически отсутствовали.

105. Европейский Суд отмечает, что в других государствах-участниках аналогичные следственные действия строго регулируются. Большинство систем правосудия требует получения санкции на проверочные закупки и аналогичные негласные мероприятия у судьи или прокурора. В нескольких странах, в которых суд или прокурор не принимают участия в санкционировании, органы, принимающие решение, тем не менее, отделены от служб, осуществляющих операцию. Как правило, полиция должна обосновать необходимость такой меры органу, принимающему решение (см. § 50 и последующие настоящего Постановления).

106. Отсюда следует, что российская система, в которой проверочные закупки и оперативные эксперименты всецело относятся к компетенции органов оперативно-розыскной деятельности, расходится с практикой,

принятой большинством государств-участников. Европейский Суд полагает, что этот недостаток отражает структурное уклонение от обеспечения гарантий против милицейской провокации.

107. Возвращаясь к фактам настоящего дела, Европейский Суд рассмотрит вопрос о том, учитывала ли милиция, несмотря на отсутствие системных гарантий, статус X. как информатора, и обеспечивала ли она, чтобы его поведение не переходило границу законного внедрения и подстрекательства к совершению преступления.

108. Европейский Суд отмечает, что милиция приступила к проверочной закупке немедленно после первого сообщения X. относительно заявителя и в отсутствие попыток проверки данной информации или рассмотрения иных средств расследования предполагаемой преступной деятельности заявителя. Напротив, в деле Банниковой (упоминавшемся выше, § 69) проверочной закупке предшествовал ряд следственных мер, в частности, суд санкционировал прослушивание телефонных разговоров, которое позволило получить веские доказательства наличия у заявительницы умысла на сбыт конопли. В дальнейшем эти доказательства были рассмотрены в ходе открытого судебного слушания, и они имели определенное значение для оценки Европейским Судом рассматриваемой негласной операции (см. там же). В настоящем деле Европейский Суд полагает, что милиция не восполнила отсутствие процессуальных гарантий, а несправедливо извлекла из него выгоду.

109. В этой связи Европейский Суд напоминает, что бремя доказывания возлагается на власти, которые обязаны продемонстрировать отсутствие подстрекательства, но на практике они могут не иметь возможности исполнить эту обязанность в отсутствие формального разрешения и контроля негласного мероприятия (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Раманаускас против Литвы", § 70, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Тейшейра ди Каштру против Португалии", § 38, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Банникова против Российской Федерации", § 48).

110. В настоящем деле эта обязанность не могла быть исполнена, поскольку поведение милиции при негласной операции не контролировалось национальными властями, и материалы дела не содержат достаточной информации, которую мог бы оценить Европейский Суд. Он, в частности, учитывает факт, установленный в национальном разбирательстве, что заявитель контактировал с X. через посредника "Руслана". Несмотря на роль последнего в негласном мероприятии, это лицо не было допрошено в разбирательстве по делу заявителя, по-видимому, потому, что власти не смогли установить его личность. Соответственно, важный элемент ускользнул от национальной оценки вопроса о предполагаемой провокации. Кроме того, содержание телефонных разговоров "Руслана" с X. не принималось во внимание, так как они не были записаны. Не были записаны или иным образом зафиксированы переговоры участников сделки, прослушанные милицией во время проверочной закупки. Европейский Суд учитывает необходимость

санкционирования таких записей судом. Тем не менее из материалов дела не следует, что время на проверочную закупку было недостаточным или что существовали иные препятствия для получения подобного разрешения, тогда как полученные таким образом доказательства имели бы высокую доказательную силу для оценки наличия у заявителя умысла на совершение преступления.

111. Европейский Суд полагает, что неформальный и спонтанный способ назначения и проведения проверочной закупки в настоящем деле обусловлен, в частности, вышеупомянутым отсутствием адекватного регулирования указанных негласных мероприятий. С одной стороны, уклонение законодателя от установления условий применения данного вида оперативно-розыскных мер не исключило возможности злоупотреблений этим методом. С другой стороны, оно лишило власти возможности последующего исполнения их обязанности доказывания того, что их поведение оставалось строго пассивным. С учетом того факта, что Х. ранее являлся милицейским информатором, и отсутствия сведений о его контактах с заявителем Европейский Суд исходит из того, что милицейское подстрекательство действительно имело место.

112. Наконец, Европейский Суд принимает к сведению, что национальные суды отказались от непосредственного рассмотрения существа довода заявителя о провокации, в частности, когда суд первой инстанции отклонил доказательства того, что Х. ранее участвовал в проверочных закупках, и отводил вопросы, относящиеся к его предполагаемой наркозависимости и судимости за сбыт наркотиков. Суд кассационной инстанции не рассматривал довод заявителя о провокации вообще, несмотря на подробное и конкретное изложение его кассационной жалобы. Отсюда следует, что довод заявителя о подстрекательстве не был адекватно рассмотрен национальными судами.

113. С учетом вышеизложенных соображений Европейский Суд заключает, что совокупность этих элементов умалила справедливость судебного разбирательства по делу заявителя.

(ii) Проверочная закупка в деле Золотухина

114. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что эта проверочная закупка, как и рассмотренная выше, была назначена исключительно на том основании, что Y., предположительно частное лицо, добровольно уведомила милицию о преступной деятельности заявителя. Как и в рассмотренном выше деле, представление Y. как независимого источника оказалось не соответствующим действительности. В судебном разбирательстве было установлено, что она являлась информатором сотрудника милиции, проводившего проверочную закупку в деле заявителя, и ранее участвовала в других проверочных закупках.

115. Европейский Суд также учитывает, что Y., в отличие от Х. утверждала, что ранее приобретала героин у заявителя, и, соответственно, признает, что милиция имела основания подозревать заявителя в сбыте

наркотиков. Однако он напоминает о различии между частными источниками и полицейскими информаторами (см. § 101 - 102 настоящего Постановления) и полагает, что эти принципы здесь применимы. С учетом статуса Y. как информатора ее привлечение к негласной деятельности было возможно при том условии, чтобы ее участие оставалось в основном пассивным.

116. Таким образом, Европейский Суд рассмотрит вопрос о том, мог ли способ ее контактов с заявителем подстрекать его к совершению преступления. Как и в деле Веселова, на этот вопрос нельзя ответить, поскольку Европейский Суд не усматривает в материалах дела достаточных материалов для оценки ее поведения. Он отмечает, что не сохранились данные о начальной стадии операции, когда Y. по поручению и в присутствии милиционеров позвонила заявителю и предложила продать ей наркотики. Хотя этот телефонный звонок уже являлся частью проверочной закупки, он не фиксировался какими-либо средствами, что не позволяет удостовериться в том, проявлял ли заявитель в этот момент склонность к оказанию подобных услуг или иным образом демонстрировал наличие умысла на совершение преступления. Он также учитывает, что милиция приступила к проверочной закупке сразу после первого сообщения Y. по поводу заявителя и в отсутствие попыток проверить эту информацию или рассмотреть иные средства расследования предполагаемой преступной деятельности заявителя.

117. Он полагает, что вышеупомянутые недостатки являлись следствием отсутствия нормативной базы, обеспечивающей гарантии при проведении негласных мероприятий, как и в деле Веселова (см. § 104 - 106 настоящего Постановления), что помешало властям исполнить обязанность доказывания относительно того, что расследование проводилось "в основном пассивно". Как и в вышеупомянутом деле, с учетом статуса Y. как милицейского информатора в сочетании с отсутствием зафиксированной информации о способах ее контактов с заявителем нельзя исключать, что Золотухин совершил преступление вследствие милицейского подстрекательства.

118. Европейский Суд также отмечает, что на всем протяжении судебного разбирательства заявитель утверждал, что подвергся подстрекательству к совершению преступления. Соответственно, национальные суды обязаны были рассмотреть довод о провокации, включая, в частности, мотивы назначения операции, степень причастности милиции к преступлению и характер подстрекательства или давления, которое оказывалось на заявителя (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Раманаускас против Литвы", § 71). Однако Европейский Суд учитывает, что эти вопросы привлекли лишь мимолетное внимание суда первой инстанции и не были рассмотрены судом кассационной инстанции вообще, хотя были затронуты в кассационной жалобе заявителя. Отсюда следует, что довод заявителя о подстрекательстве не был адекватно рассмотрен национальными судами.

119. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Европейский Суд заключает, что совокупность указанных элементов умалила справедливость судебного разбирательства по делу заявителя.

(iii) Проверочная закупка в деле Дружинина

120. Европейский Суд учитывает, что этот заявитель, как и двое других, утверждал, что Z., игравшая роль покупателя в проверочной закупке по его делу, также являлась милицейским информатором. Однако в отличие от заявителей по двум другим жалобам, он не обосновал это утверждение. Поэтому Европейский Суд будет исходить из того, что в этом деле следственные органы воспринимали Z. как частный источник.

121. Европейский Суд также отмечает, что Z. не утверждала, что приобретала наркотики у заявителя до проверочной закупки, и дала об этом показания в судебном разбирательстве. Кроме того, она сообщила, что, насколько ей известно, он не продавал наркотики другим лицам, и что она уверена в его непричастности к их производству. Смысл ее сообщения сотрудникам милиции заключался в том, что она почти уверена, что может склонить его к приобретению наркотиков для нее. Европейский Суд также учитывает признание милиции об отсутствии иных сведений о заявителе до получения добровольного сообщения Z.

122. Власти Российской Федерации полагали, что милиция ранее имела иную информацию, уличающую заявителя, предположительно содержащуюся в рапорте сотрудника Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков от 4 сентября 2008 г. Тем не менее Европейский Суд согласен с заявителем в том, что данный рапорт содержал информацию, полученную от Z., и именно так его истолковали национальные суды. Таким образом, Европейский Суд не может считать, что проверочная закупка была назначена по иным основаниям помимо сообщения Z. Отсюда следует, что следственные органы не имели данных, позволявших подозревать заявителя в сбыте наркотиков, материалы дела свидетельствуют о том, что они организовали проверочную закупку, вполне сознавая, что заявитель мог продать наркотики впервые.

123. Европейский Суд полагает, что вышеупомянутое решение не может рассматриваться иначе как произвольное, и считает его прямым следствием отсутствия нормативной базы, обеспечивающей гарантии при проведении негласных мероприятий (см. § 104 - 106 настоящего Постановления). Как и две проверочные закупки, рассмотренные ранее, она была назначена простым административным решением того же органа, который ее проводил. Не фиксировалась начальная стадия операции, когда Z. звонила заявителю по указаниям милиционеров и в их присутствии и просила его продать ей наркотики, и их дальнейшие телефонные разговоры также не записывались. Результат данного упущения оказался таким же, как и в двух других случаях, то есть органы власти лишились возможности доказать наличие у заявителя умысла на совершение преступления.

124. Что касается судебной проверки довода заявителя о подстрекательстве, Европейский Суд отмечает, что суд первой инстанции по сути отклонил ходатайство, не дав никакой оценки и не изложив своих

выводов по этому вопросу. Суд кассационной инстанции ограничился рассмотрением утверждения о том, что Z. ранее покупала наркотики у заявителя, что указывает на то, что умысел возник ранее. Однако данное заключение противоречит собственным показаниям Z. в суде первой инстанции и не следует из каких-либо доказательств, исследованных судом первой инстанции или судом кассационной инстанции. Следовательно, Европейский Суд заключает, что суды страны не приняли необходимых мер для установления того, имело ли место подстрекательство, несмотря на их обязанность сделать это в соответствии со статьей 6 Конвенции.

125. Европейский Суд находит, что все эти факторы необратимо умалили справедливость разбирательства по уголовному делу заявителя.

(iv) Краткое изложение выводов Европейского Суда

126. Европейский Суд ранее установил, что осуждение заявителей за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, было основано, главным образом, на результатах контролируемых милицией проверочных закупок. Ни в одном из этих дел милиция не рассматривала возможность выполнения иных следственных мер, направленных на проверку подозрений о том, что заявители являлись наркоторггером. При таком акценте на результаты негласных мероприятий и их значении для исхода уголовных разбирательств национальные власти должны были обеспечить, чтобы способ назначения и проведения проверочных закупок исключал возможность злоупотребления властью, в частности, провокации. В то же время Европейский Суд установил, что ответственность милиции за действия ее сотрудников и информаторов не может быть определена, прежде всего, из-за системного недостатка в виде отсутствия ясной и предсказуемой процедуры получения санкции на проверочные закупки. Он напомнил свою прецедентную практику о том, что санкционирование проверочной закупки простым административным решением того же органа, который осуществляет операцию, в отсутствие независимого контроля и необходимости обосновать операцию, а также по сути без каких-либо формальностей в принципе является неадекватным (см. § 103, 106, 117 и 123 настоящего Постановления). Сравнив эту систему с практикой иных государств-участников, Европейский Суд установил, что в большинстве других стран проведение проверочной закупки и подобных негласных мероприятий подвергается ряду процессуальных ограничений (см. § 105 - 106 настоящего Постановления). Напротив, в Российской Федерации органы оперативно-розыскной деятельности могут применять инвазивные следственные методы, которые, по-видимому, не сопровождаются структурными гарантиями против злоупотребления.

127. При обстоятельствах настоящего дела именно неудовлетворительная процедура получения санкции на проверочную закупку сделала заявителей объектом произвольных действий милиции и умалила справедливость уголовных разбирательств по их делам. Национальные суды, со своей стороны, уклонились от адекватного рассмотрения довода заявителей о

провокации и, в частности, не проверили основания проверочных закупок и поведение милиции и ее информаторов в отношении заявителей.

128. С учетом вышеизложенного Европейский Суд полагает, что уголовное разбирательство против всех троих заявителей было несовместимо с понятием справедливого судебного разбирательства. Соответственно, имело место нарушение требований статьи 6 Конвенции.

III. Иные предполагаемые нарушения Конвенции

129. Наконец, Золотухин жаловался на предполагаемое отсутствие юридической помощи и возможности допроса ряда свидетелей. Он ссылался на статьи 3 - 6 Конвенции. Европейский Суд рассмотрел эти доводы заявителя. Однако с учетом всех предоставленных ему материалов, и насколько эти вопросы относятся к его компетенции, он находит, что они не свидетельствуют о наличии признаков нарушения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией или Протоколами к ней. Следовательно, эта часть жалобы является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом "а" пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

IV. Применение статьи 41 Конвенции

130. Статья 41 Конвенции предусматривает:

"Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Ущерб

131. Веселов требовал 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Золотухин требовал компенсацию морального вреда в размере, который предлагалось определить Европейскому Суду. Дружинин требовал 128 000 евро в качестве компенсации морального вреда, а также 73 200 евро в качестве компенсации материального ущерба в связи с утратой дохода в течение пяти лет лишения свободы, исчисленной на основании месячной зарплаты в 1 000 евро, которую он получал бы, если бы не был осужден за преступление, организованное милицией.

132. Власти Российской Федерации полагали, что в случае установления факта нарушения Конвенции Европейским Судом оно само по себе являлось бы достаточной справедливой компенсацией в настоящем деле. Они оспорили требования Веселова и Дружинина как чрезмерные и не соответствующие размерам компенсаций, присуждаемых Европейским Судом по аналогичным делам.

133. Европейский Суд полагает, что присуждение справедливой компенсации в настоящем деле должно быть основано на том факте, что заявители были лишены справедливого судебного разбирательства в связи с осуждением за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, по подстрекательству милиции в нарушение статьи 6 Конвенции. Им, несомненно, был причинен моральный вред вследствие нарушения своих прав. Тем не менее суммы, требуемые Веселовым и Дружининым, выглядят чрезмерными. Оценивая указанные обстоятельства на справедливой основе, Европейский Суд присуждает каждому из троих заявителей 3 000 евро в качестве компенсации морального вреда, а также любой налог, подлежащий начислению на указанную выше сумму.

134. Кроме того, Европейский Суд напоминает свою последовательную прецедентную практику о том, что, если права заявителя, гарантированные статьей 6 Конвенции, были нарушены, он должен быть как можно скорее поставлен в положение, в котором находился бы, если бы требования этого положения не были нарушены, и что наиболее целесообразной формой возмещения было бы в принципе новое рассмотрение дела или возобновление производства по нему, при наличии такого требования (см. Постановление Большой Палаты по делу "Оджалан против Турции" (*Ocalan v. Turkey*), жалоба N 46221/99, § 210, последняя часть, ECHR 2005-IV, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Малининас против Литвы", § 43, Постановление Европейского Суда от 13 июля 2006 г. по делу "Попов против Российской Федерации" (*Popov v. Russia*), жалоба N 26853/04, § 264 <*>). В этой связи Европейский Суд отмечает, что статья 413 Уголовно-процессуального кодекса России и статья 392 Гражданского процессуального кодекса России предусматривают, что производство по уголовному делу может быть возобновлено ввиду установления Европейским Судом нарушения положений Конвенции (см. § 49 настоящего Постановления).

<*> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 1/2008.

135. Что касается материального ущерба, на который ссылался Дружинин, Европейский Суд подчеркивает, что присуждение компенсации ущерба в настоящем деле связано с порядком проведения разбирательства, и не усматривается причинная связь между этим порядком и предполагаемым материальным ущербом.

136. Из установления нарушения не могут быть сделаны выводы о виновности или невиновности заявителей. Данные вопросы подлежат оценке при возобновлении национального разбирательства. Европейский Суд учитывает, что в случае оправдания после возобновления разбирательства заявители могут требовать компенсации материального ущерба и морального вреда, причиненных вследствие осуждения, и национальные суды находятся в лучшем положении для рассмотрения этих требований.

В. Судебные расходы и издержки

1. Веселов

137. Заявитель требовал 35 000 рублей в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в национальных судах, и 120 000 рублей в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в Европейском Суде, что включает 60 000 рублей адвокатских гонораров, уплаченных в связи с подачей жалобы в Европейский Суд, и 60 000 рублей, уплаченных в связи с подачей возражений на объяснения властей Российской Федерации. Он предоставил расписки, подтверждающие эти выплаты.

138. Власти Российской Федерации возражали, что не усматривается оснований для присуждения заявителю компенсации гонораров, уплаченных в рамках национального разбирательства, и оспаривали требование, относящееся к разбирательству дела в Европейском Суде на том основании, что заявитель не указал часовых ставок, применяемых его адвокатом.

139. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. С учетом представленных документов и вышеизложенных критериев Европейский Суд удовлетворяет требования Веселова полностью и присуждает заявителю 4 000 евро по всем основаниям.

2. Золотухин

140. Заявитель пояснил, что не может выдвинуть или обосновать требования по данному основанию в связи с утратой подтверждающих документов.

141. Власти Российской Федерации не комментировали жалобу в этой части.

142. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. С учетом представленных документов и вышеизложенных критериев Европейский Суд не присуждает Золотухину какой-либо суммы по данному основанию.

3. Дружинин

143. Заявитель требовал 100 000 рублей в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных при разбирательстве дела Европейским Судом. Он предоставил копию договора об оказании услуг с адвокатом Тучиным, содержавшего разбивку гонораров, подлежащих уплате за подачу первоначальной жалобы (10 000 рублей), за полное изложение фактов и требований (26 000 рублей), за возражения на объяснения властей Российской Федерации.

Федерации (60 000 рублей) и за переписку с Европейским Судом (4 000 рублей).

144. Власти Российской Федерации оспорили это требование на том основании, что заявитель не указал часовых ставок, применяемых его адвокатом.

145. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. С учетом представленных документов и вышеизложенных критериев Европейский Суд удовлетворяет требования Дружинина полностью и присуждает заявителю 2 600 евро по всем основаниям.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

146. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

- 1) решил объединить жалобы в одно производство;
- 2) признал жалобы приемлемыми в части осуждения заявителей за совершение преступлений по подстрекательству милиции, а в остальной части - неприемлемыми;
- 3) постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении всех троих заявителей;
- 4) постановил, что:
 - (a) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителям следующие суммы, подлежащие переводу в рубли по курсу, который будет установлен на день выплаты:
 - (i) каждому из заявителей 3 000 евро (три тысячи евро), а также любой налог, подлежащий начислению на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) Веселову 4 000 евро (четыре тысячи евро), а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на заявителя в связи с этой суммой, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;
 - (iii) Дружинину 2 600 евро (две тысячи шестьсот евро), а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на заявителя в связи с этой суммой, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;
 - (b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

5) отклонил оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 2 октября 2012 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Председатель
Палаты Суда
Н.ВАИЧ

Секретарь
Секции Суда
С.НИЛЬСЕН
